

ИЛЛЯ ЭНТУС

ЕГОРКА- СНЕГИРЁК



0+

Илья Энтус

Егорка-снегирёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63361807

SelfPub; 2020

Аннотация

В канун Нового года, отец отправил Егорку в лес, собрать клюквы для Новогоднего стола. На обратном пути мальчик съехал с лыжни и ударился о ёлочку, на которую рассердился и попытался сломать, однако был остановлен проходящим мимо дедушкой, на поверку оказавшимся самим Дедом Морозом. Решив преподать Егорке урок, Дед Мороз превратил его в снегиря, дабы мальчик почувствовал, какого это – быть маленьким и беззащитным в лесу. Тут и начались Егоркины приключения – сперва он научился летать, потом спас синичку из когтей лесного филина, и едва не стал жертвой до боли знакомой рогатки – всё для того, чтобы понять, что такое настоящая смелость и дружба.

Илья Энтус

Егорка-снегирёк

Широкие охотничьи лыжи, выструганные отцом из осины и тщательно смазанные парафином, споро катили по свежему снегу, торопясь поскорей доставить маленького ездока в пункт назначения. Егорке не было еще и восьми лет, а его – виданное ли дело! – уже отправили в лес, совершенно одного, собрать клюквы для новогоднего стола.

Как он гордился собой! Заячьего меха шапка с ушами заливатски торчала на самой макушке, роскошный, почти новый, короткий полушубок был застегнут на две пуговицы, выпроставшийся из-под него шарф шлейфом вился вслед за маленьким лыжником. Жаль только теплые, ватные штаны были чуть длинноваты, снег быстро набивался в них, и приходилось порой останавливаться ненадолго, отряхиваться. Но то были мелочи – по сравнению с тем, каким важным ощущал себя Егорка.

Вот бы его кто заметил из соседских мальчишек – тю, да они бы от зависти позеленели! Идет, скажем, Ванька Пашнин, с Центральной улицы, из дома номер четыре, ворчит себе под нос, как он это обычно делает, а тут Егорка мчит на лыжах мимо, да с такой скоростью, что Ваньку крутанет непременно вокруг своей оси, усядется он в сугроб, поправит шапку, и скажет, удивленно:

– Во даёт!

Но это уж он так, фантазировал. Нечего было Ваньке Пашнину в лесу делать, его дальше ограды-то бабушка редко пускала. Егорка, бывало, дразнил его за это, «Палисадником» обзывал. А Ванька все ворчал, да ворчал, и глядел на него хмуро, исподлобья.

В лесу пахло хвоей, древесной корой, да откуда-то со стороны деревни тянуло печным дымком. Эх, хорошо! Синее небо, такое гладкое и высокое, тишина, изредка нарушаемая перестуком дятла или свистом падающей с дерева шишки, скрип лыж и его, Егоркино, дыхание, горячее-прегорячее, такое, что даже шарф промок – что еще нужно для счастья?

Клюква, вот что. Недаром его отец отправил в лес, не просто ведь так, а с поручением, и поручением важным, особенным. Разве может какой стол, под Новый год, без клюквы обойтись? Знамо дело, то не стол будет, а так, столик. Но он, Егорка, празднику пропасть не даст, и ягоду, что найдет, домой принесет. Вот так, и не иначе.

Где искать клюкву, Егорка хорошо знал – не раз они с отцом ходили вглубь леса, туда, где ели громадными кронами заслоняли небосвод, нет-нет да покряхтывая пудовыми ветвями, будто они у них затекали, как у людей – запястья. Что таить, страшновато бывало Егорке в чаще, виделось ему, будто они с отцом путники, что забрели по незнанию, куда не следует, и вот-вот лесные духи их за это накажут – подзатыльников надают, или за уши оттаскают.

Вот отец – тот ничего и никогда не боялся. Егорка, бывало, вздрагивал от звуков, а отец только знай себе лоб хмурил, да из под бровей сдвинутых смотрел на него, а взгляд такой добрый-предобрый, надежный и уверенный. И тогда он успокаивался – знал, что уж кто-кто, а отец его в обиду точно не даст.

Но то вдвоем, а сегодня он совершенно один в лес поехал, как взрослый. С самого утра, как мама с сестрой начали на стол собирать, отец подошел к Егорке, положил крепкую ладонь на его плечо, и прогудел сверху:

– Ты вот что, сын, бери-ка лыжи, оденься тепло, и давай в лес, за клюквой. Сумку на пояс возьми, набери полную, и чтобы сразу домой, туда и обратно. Я тут пока по хозяйству пригожусь матери, туда съездить, здесь пособить. Ну, в общем, рассчитываю я на тебя. Справишься?

Да разве же мог он не справиться, когда на него рассчитывают? Отец еще не успел фразы закончить, а Егорка уже лыжи напяливал – как от такого приключения отказаться? В конце концов, ему почти восемь лет уже – пора на взрослые дела отправиться!

Все темнее и тише становилось в лесу, пригорки сгладились, дорожка стала пологой – теперь Егорке приходилось отталкиваться посильней, порезче. Снег стал мягче – стало быть, болотца, на которых росла клюква, уже совсем недалеко, за ближайшим поворотом. Зимой они, конечно, промерзали, да и глубокими не были, но все равно, стоило соблю-

дать осторожность, не то промочишь ноги, а это верный путь к грелке, противному теплему молоку с медом, градуснику и таблеткам. Чего-чего, а уж болеть Егорка не любил, а значит, нужно быть внимательней.

Замер лес, будто его врасплох застали, и уставился на мальчика удивлённым взглядом, мелькавшим сквозь стволы деревьев, размышляя, что ему делать с непрошенным гостем: напугать, чтоб поджилки затряслись, или клюквой угостить, и отпустить восвояси. Вздохнул, поскрипел для порядку ветвями, да перестал – не стал мальчишке праздник портить. Что ему, лесу, ягоды мало?

Егорка присел на корточки, и ну клюкву собирать, да быстро так, едва успевает пальцами перебирать. Красная, кислая ягода, полезная – цены нет! Мама много чего с клюквой готовила, даже пироги с ней пекла, а еще с брусникой да с жимолостью. Вкусные – пальчики оближешь!

Минут двадцать Егорка в чаще провел, не больше, а клюквы – полную сумку поясную собрал. Ну, теперь можно и обратно, домой. Затянул он лыжи покрепче, штаны поправил, шапку опустил – и в путь двинулся.

«Быстро я обернулся. Теперь можно перед ребятами хвастаться – мало того, что один ездил, управился со всем, так еще и ягоды набрал – на зависть каждому!»

Да только пока Егорка так рассуждал, мечтал, да в облаках летал, отвлекся он и не заметил, как дорожка внезапно в сторону вильнула. Такое с ними, дорожками, частенько слу-

чается – вроде, только что по прямой шла, а едва голову повернул – и раз! – свернула, куда ей вздумается.

За внезапно появившимся своротком ель росла – маленькая, тонкостволая, совсем юная, даже ветвей еще было – раз, два, и обчёлся. Вот в неё-то Егорка и влетел – хорошо еще, что скорость как следует набрать не успел. Со всей силы ударился лбом, лыжи в разные стороны отскочили, полушубок едва по шву не разошелся – вот было бы дело!

Открыл глаза Егорка – а над ним синее-пресинее небо, и на лбу будто бы шишка набухает. Поднялся, глядь, а клюква из пояска рассыпалась, и по снегу там и сям валяется.

Рассердился мальчик, естественно, на ёлочку – а на кого еще, не на себя же, любимого? Лоб тронул – и точно, шишка едва не с грецкий орех размером. Пуще прежнего осерчал Егорка, вскочил с земли, да как вцепится в ель, и ну качать туда-сюда, силясь ствол ей поломать. Треплет ее, шатает и приговаривает:

– У-у, хворостина бесполезная, что ты тут выросла, места лучше не нашла? Ну, я тебе задам! Уж я тебе покажу, как на пути моем вставать!

И тут, вдруг, из-за спины его звук какой-то послышался, снег захрустел, и кто-то спрашивает, строгим-престрогим голосом:

– Это кто тут невинное деревце ломает? Кто безобразничает? А ну, покажись-ка мне!

У Егорки от испуга спина мурашками покрылась, а ноги

ватными стали, чуть снова навзничь не свалился. Обернулся он, и видит – старик перед ним стоит. Невысокий, кряжистый, румяный. Борода у него серая, нечесаная и длинная, шапка набекрень одета, и валенки высокие, до колена, да все в заплатах.

И смотрит он на Егорку из-под бровей кустистых, в упор глядит, будто что скрытое рассмотреть желает. Взгляд сердитый, глаз не отводит.

– Ты, – говорит, – зачем елочку погубить удумал? Она на своем месте растет, что ей природа-матушка отвела. А тут, надо-же, приехал, молодой, безусый, да на расправу скорый. Что же она тебе такого сделала?

– Вот! – сказал обиженно Егорка, на шишку показывая, – по лбу меня отходила, да еще клюкву из-за нее рассыпал, и лыжи потерял!

– Мало она тебе всыпала, – пуще прежнего строжится дед, – я бы еще добавил! В своих собственных промахах другого обвинять – это, брат, дело последнее, так только слабаки, да трусы поступают. Ты из их числа, выходит?

– Ничего не из их числа! – воскликнул Егорка. Рассердился он на деда, что тот его трусом счел, – я сегодня совсем один в лес поехал, клюквы набрать, разве это не смело? Нечего мне тут указывать, и в трусости корить, иди-ка ты, дедушка, своей дорогой, а я – своей пойду!

– Вот как, значит, – усмехнулся старик, погладил свою бороду, и вытащил из-за спины длинную, ошкуренную палку, –

ну, может я тебе и не указ, зато урок преподать могу. Ээх, – крикнул он, да как стукнет палкой своей по земле!

Что тут стряслось – такого Егорка прежде не видывал! Словно бабочки, взлетели со старика его грязные, неряшливые одежды, и устремились ввысь, к голубому небу. Остался дед облаченным в богатый, синий кафтан, расшитый золотом да бархатом, с широкими оборками из белого меха. Шапка с головы спрыгнула, превратилась в зайца, и в лес – только след простыл. Вместо нее у старика колпак оказался, такой же, как кафтан, весь нарядный, блестящий. Борода его побелела и разгладилась, морщины на лице расправились, даже брови и те, глядь – одна другую причесывает. Роста он стал высокого, даже выше отца Егоркиного, а вместе палки в его руках оказался белый сверкающий посох.

Онемел Егорка – понял, кого в лесу встретить довелось. Стыдно стало – да так, что слова молвить не выходит.

– Ну что, – спросил Дед Мороз, а то, конечно, был он, – в таком виде я тебе больше по душе прихожусь?

Бросился Егорка к Деду Морозу, впопыхах шапку стянул, от волнения даже запыхался:

– Дедушка Мороз, прости меня, я же не знал, что это ты, не смекнул! Я больше не буду елку ломать, обещаю!

– Я бы тебе поверить и рад, – ответил Дед Мороз, – да только ты ведь не меня обидел, ты весь лес оскорбил, поведением своим. Думаешь, важный такой, раз одного тебя сюда отправили, а порядка не знаешь, правил не блюдешь, мест-

ных жителей – обижаешь. Вот перед ними и ответ держать придется.

Дед руку в теплой варежке вверх поднял, и тотчас ему на ладонь снегирь уселся – упитанный такой, краснобрюхий. Поднес его Дед Мороз к лицу поближе, и ну шептаться о чем-то. Потом отпустил, и снова к Егорке обратился:

– Вот тебе, юноша, решение леса. Должен ты на своей шкуре попробовать, что значит – маленьким стать, беззащитным. Заодно и поглядим, как ты с испытанием этим справишься, кем себя проявишь – храбрецом ли, трусом ли. Э-эх, – снова стукнул Дед Мороз по земле посохом.

И ощутил Егорка, что происходит с ним что-то странное, необычное, по всей видимости – совершенно волшебное. Снег вокруг него закружился, будто хороводы вёл, быстро-быстро, небо потемнело, и словно подальше стало, деревья устремились вверх, грозя сверху ветвями-кулачищами. Страшно стало Егорке, что уж говорить, но едва он закричать надумал, как пропало все, будто и не было. Перестал снег свои кружева плести, распахнул Егорка глаза шире, и понял, в какой переплет попал.

Дед Мороз и так-то высоким был, а сейчас – огромным оказался, как те дома, что он в городе видел. Дорожки больше не было видно – вокруг только бескрайняя снежная равнина простиралась, куда взгляд не кинь – везде она. А деревья – ух! Конца-края им не видать было, в небо росли, словно до звезд дотянуться стремились.

Хотел было Егорка глаза протереть, поднял руки, глядит – а вместо рук у него крылья птичьи! На ноги посмотрел – вот тебе и раз, там лапки трехпалые, маленькие, тоненькие, кажется, ветер дунь – пополам сломаются.

Испугался мальчик, зарыдал, в ноги деду кинулся:

– Не губи меня, дедушка, как же я такой к матери с отцом возвращусь? Что другие скажут?

– А ты за других не думай, – прогремел сверху голос Деда Мороза, – за себя решай, как сам подашь, так тебя и примут.

– Как же мне облик свой назад вернуть? – в отчаянье всплеснул Егорка крыльями.

– Вот коль докажешь лесу, что ты урок усвоил, так все назад и обернется.

– А если не смогу я?

– Ну, тогда и останешься птицей век доживать, – сказал Дед, – так тому и быть. А мне пора. Может, свидимся еще с тобою, Егорка-снегирёк!

– Подожди, дедушка! – взмолился было Егорка, но Дед Мороз стукнул посохом – его и след простыл.

Заплакал Егорка-снегирёк горькими, птичьими слезами, зарыдал, заохал. Побрел было в одну сторону – вернулся, в другую – тоже воротился. Не знает, что ему делать. Сел, под ухо шапки своей спрятался, и знай себе, ревет.

Тут мимо синица пролетала. Увидела она снегиря заплаканного, спустилась к нему, и спрашивает:

– Ты чего это тут нюни развёл? Кто тебя обидел?

– Дедушка Мороз, – Егорка отвечает, – он меня птицей обратил, за то, что я елочку шатал.

– Ну, если Дедушка обратил, стало быть, поделом, – строгим голосом заявила синичка, – он справедливый, попусту никому ничего не сделает. Я его хорошо знаю, он меня прошлой зимой от холода спас. Добрый он!

– Добрый, как же, – шмыгнул клювом Егорка, – разве это по-доброму, из ребенка птицу сделать?

– Значит, на пользу, – тряхнула головой синичка, – между прочим, ты чего вообще опечалился? Будто бы птицей быть плохо!

– А что же здесь хорошего?

– Да хоть вот что! – воскликнула синица, и взвилась над головой у Егорки, махая крылышками, – вот скажи, может человек такое?

– Нет, – вытер крылом слёзы мальчик, – летать человек не обучен. Только я, хоть снегирем и обращен, а этого все равно не умею!

– Тоже мне, проблема, – рассмеялась синичка звонким, мелодичным смехом, – да я тебя мигом научу!

– Врёшь!

– Вот еще! Ну-ка, давай, – она опустилась рядом с Егоркой, – встань ровно! Крылья разведи, вот так. И попробуй, помаши ими.

Егорка попробовал. Синица кивнула:

– Замечательно получается. А теперь – взлетай!

– Как это? – удивился Егорка, – что, вот так просто?

– Конечно! А почему это должно быть сложно? Крыльшками маши быстрее, лапки от снега отрывай, и вверх!

Закрыв Егорка глаза, замахал крыльями часто-часто, подпрыгнул – и взлетел! Невысоко, конечно, но для первого-то раза – еще как высоко!

Мигом забыл мальчик-снегирёк все свои обиды и расстройства. Какое же это было прекрасное чувство – парить в воздухе, ничего подобного он прежде не испытывал. Осмелел Егорка – пару раз взмахнул крыльшками посильней, и вот он уже высоко, выше елей и сосен, смотрит на лес свысока, почти до облаков достаёт. Ну, до облаков не до облаков, но на вершину высоченной ели взгромоздился. Синица подлетела к нему, и пропела:

– Видишь, видишь? Ну, разве не прекрасно быть птицей? Взгляни, какой простор вокруг, какая красота!

Захватило дух у Егорки, рассмеялся он, взмахнул крыльями – и ринулся камнем вниз, а синица – за ним следом. Взвились они в танце, ветер оседлал – и ну кружиться, ну плясать в воздухе, так, как могут только самые беззаботные существа на свете.

Но у такой беззаботности всегда обратная сторона имеется. Заигрались птички, потеряли счет времени, вглубь леса ринулись наперегонки, и глазом моргнуть не успели, как в темную чащобу впорхнули. Ветви тут густые, сквозь них не видно ни зги. Синица догнала Егорку, и шепчет ему, ти-

ХО-ТИХО:

– Стой, мальчик-снегирёк! В опасное место мы с тобой пожаловали, здесь незваным гостям не поздоровиться может. Давай-ка за мной потихоньку, назад возвращаемся!

Едва она это молвила, как на самой толстой ветке, самого темного дерева что-то заворчалось, заворчало, заухало. Испугались Егорка с синичкой, друг к другу прижались и на месте замерли. А не ветке, тем временем, два глаза желтых вспыхнули, будто гирлянды зажглись, и говорит кто-то, голосом скрипучим, недобрый:

– Кто это ко мне погостить пожаловал, чай ли птички-синички? А ну, покажитесь, рассмотрю вас внимательней!

Хотел было Егорка вперед выйти, да синица его крепко обхватила крылышками, и под корень упавшего дерева оттащила. Спрятались они там, и она говорит ему потихоньку:

– Куда ты собрался, мальчик-снегирёк? То филин лесной, он на слух сладкоголосый, а на деле злой и хитрый. Покажешься ему – проглотит в два счета, и не заметит! Зря мы с тобой сюда пожаловали!

– Где же вы дорогие мои гости, спрятаться удумали? – филин взлетел с дерева и на землю спикировал. Здоровенный, нахохлившийся, когти – что сабли, клюв крепкий, острый – хоть орехи им коли. – Куда запропастились, голубчики? Уж я вас привечаю, уж я вас поприветствую, как следует. Выходите, птички-синички, подобру-поздорову!

Ходит филин туда-сюда, ступает тяжело, воздух втяги-

вает, и глазищами-фонарями своими по сторонам вращает. Страшно стало Егорке – кому хочется жизнь человеческую в когтях птичьих окончить?

А филин, тем временем, остановился рядышком с их укрытием, так что лапку протяни – его перьев коснешься. В небо посмотрел, нахмурился, да заворчал:

– Неужто ушли, родимые, ужель упорхнули, пернатые?

Вдохнул полной грудью Егорка, посмотрел довольно на синичку:

– Ну все, спасены.

И тут – раз! Оборачивается филин, стремительно так, и к ним, под корень, кааак глянет! А глаза – как две луны, прямо на Егорку уставились!

– Попались, супчики! От старого филина еще никому спрятаться не удавалось!

– Улетай, мальчик-снегирёк! – закричала синичка, – спасайся!

Бросились они с синичкой из-под дерева в разные стороны – она налево полетела, а Егорка – направо. Ухнул филин, растерялся было, но тут же подбоченился, и вслед за синичкой ринулся.

А Егорка летит – будто всю жизнь небо крыльями рассекал. Высоко поднялся, и только потом вниз обернулся. Глядит – а филин лесной синичку когтями своими острыми схватил, и на дерево к себе тащит. Улыбается, да приговаривает:

– У-ух, знатный ужин мне сегодня достался, синичку я с удовольствием отведаю! Проглочу тебя – а потом и снегирь-ка достану!

Рассердился Егорка, да так, что даже бояться перестал. Нельзя синичку в обиду этому злыдню давать, на растерзание! Спасать ее нужно!

Да только подумать-то легче, чем сделать. Филин – вон, какой большой, а Егорка маленький, и когтей у него таких не водится, и клюва. Эх, рогатку бы, он бы ему мигом показал! Но нет её – стало быть, хитростью брать надо.

А филин, того и гляди, съест бедную синичку. Бросился Егорка вниз, что есть мочи, напрямик к нему полетел.

– А, вернулся, – обрадовался филин, – напрямик к столу подоспел. Сейчас подружкой твоей закушу, а тебя – на десерт.

А синичка из когтей филина смотрит не Егорку жалобно, обреченно.

– Слыхал я, умные вы птицы, филины, – говорит Егорка, – вот все думал, как бы проверить. Появилась у меня идея одна, замечательная. Хочешь, расскажу?

А филины любопытные – жуть, это каждому известно. И умом своим хвастать те еще любители. Уставился он на Егорку, но синицу из когтей не выпускает:

– Рассказывай!

– Ну, нашёл простака! Давай, мы вот как поступим: я тебе две загадки загадаю. Если обе отгадаешь – вместе нас про-

глотишь. Одну из двух – первым отужинаешь, а второго во-
свояси отпустишь. А ни одной – обоих нас выпустишь. Идет?
Но чтоб по-честному!

Зафырчал филин, заухал, глазищами завертел.

– Больно сладко поёшь, снегирёк! Не нужны мне твои загадки – синичку я и так съем, а там того глядишь, и тебя сцапаю.

– Ну, как знаешь, – насмешливо посмотрел на него Егорка, – так я и думал, что брешут все о вашем уме. Либо ты трус, либо глупец, а тут поди, разберись, что хуже.

Такого филин стереть уже не мог – слишком гордился он своим филиньим происхождением.

– Ах вот ты как! – рассвирепел он, – ну ладно, будь по-твоему! Загадывай! Только, если я одну из двух отгадаю – тебя съем, а синицу – выпущу! Согласен?

Жуть как страшно стало Егорке, но отступить-то некуда – разве можно синичку бросать?

– Согласен!

– Тогда загадывай! – воскликнул филин, и нахохлился, на-
вострился в предвкушении.

– Ну, вот тебе первая. Крыльев нет, а летает. Глаз тоже нет, а всё слезы льет. Кто это?

Крепко задумался филин. И крыльями махал, и головой вертел, да все без толку – никак сообразить не может. Наконец фыркнул рассержено, и признал:

– Не знаю! Говори ответ!

– Сперва синичку выпусти, – сказал Егорка, – ведь если вторую угадаешь, ты меня съесть пообещал.

Филин разжал когти, синица из них и вырвалась. Взвилась в небо, и ну перышки чистить. И смотрит на Егорку благодарно, но взволнованно.

– Туча, – сказал мальчик-снегирёк ответ на загадку, – сам посуды. Крыльев нет, а...

– Понял я, – разозлился филин сам на себя за то, что легкую загадку не отгадал, – вторую давай!

– Всегда в пути, но никогда не приходит. Что это?

Уж как думал филин, как голову ломал – и так, и эдак крутился, и с ветки на ветку переступал, и глазищами моргал – да только все одно ничего не придумал.

– Сдаюсь, – раздраженно махнул он крылом, – говори ответ.

– Завтра.

– Что значит – завтра? – вскричал филин, когти выпустил, и над Егоркой навис, – как это завтра, сейчас говори, а не то проглочу прямо тут!

– Это и есть ответ, – развёл крылышками мальчик-снегирёк, – завтра. Всегда в пути, никогда не приходит.

Филин нахмурился, задумался, и наконец, заключил:

– А что, дельно. Занятные у тебя загадки, снегирёк!

– Ты отпустить нас обещал, – смело взглянул на филина Егорка, – я ведь еще слышал, что филины не только умные, но и порядочные.

– Слышал он, – проворчал филин, – не знаю, за всех не скажу, наверняка и среди нашего брата птицы разные водятся. Но я – честный, раз мы уговор держали, то так тому и быть. Летите, пока я не передумал, и больше не возвращайтесь. Увижу – проглочу, и больше никаких загадок!

Егорку с синичкой дважды просить не пришлось – кивнули они филину, и ринулись прочь. Только когда до знакомой елочки добрались, возле которой клюква рассыпана, присели на землю, дух перевести.

Взглянула синичка на Егорку с благодарностью:

– Надо же, какой ты храбрый и добрый мальчик! Спасибо, что жизнь мою спас, я тебе теперь обязана. Как я могу тебе пригодиться?

– Мне бы обратно человеком сделаться, – вздохнул Егорка, – но тут ты мне не помощница. Так что – лети, Новый год на носу, тебя наверняка дома заждались.

– Вот – мой дом, – развела крыльями синичка, – а Дед Мороз – он всеведущий, и наверняка уже знает, как ты благородно поступил. Он тебя обязательно назад в мальчика превратит, вот увидишь.

– Я, наверное, домой полечу, – сказал Егорка, – мама, наверное, переживает. Уж лучше я снегирём буду, но дома, чем без родителей в лесу останусь.

– Тогда спеши, – кивнула синица, – маму нельзя волновать. А я полетаю, посмотрю, глядишь, и Деда Мороза повстречаю, да расскажу ему о том, какой ты смелый.

– Спасибо, – благодарно сказал Егорка, – знаешь, если удастся мне человеком стать, ты прилетай ко мне, я на опушке живу. Я тебя тортом угощу.

– Лучше пшеном, – рассмеялась синичка, и тут же добавила, расстроено, – но если ты человеком станешь, то меня не узнаешь, мало ли синичек на свете. Вы, люди, нас друг от друга не отличаете.

– А мы вот что сделаем, – воскликнул Егорка, бросился к своему шарфу, что на земле лежал, вытащил из него красную нитку клювом, и синице вокруг правой лапки повязал. Не крепко получилось – сложно клювом узлы крутить, но Егорка справился.

– Теперь уж я тебя точно узнаю, – сказал он синице. Она улыбнулась в ответ, и поклонилась мальчику:

– Тогда до встречи, Егорка-снегирёк. Повезёт – свидимся еще!

Егорка поклонился в ответ, помахал синице крылом, и устремился прочь из леса.

Ох и быстро летают птички! Вон уже и дом родной видно, из трубы дымок всюю идет. А на соседней улице, на Центральной, мальчишки какие-то в снежки играют. Ба, знакомые все лица – это же Колька и Никита, друзья его, Егоркины, закадычные!

Эх, как бы снегирёк хотел сейчас рядом с ними оказаться, бегать, тузить друг друга в снегу, за деревьями прятаться. А еще – они вчера Кольке такую рогатку смастерили, закача-

ешься! На тридцать шагов бьет! Пострелять бы сейчас, по вору...

Не успел мальчик фразу додумать – что-то свистнуло рядышком, тяжелое и быстрое. Удивился снегирёк, притормозил, нахмурился, и спросил вслух:

– Это еще что такое?

И тотчас же ударило его что-то слева, да с такой чудовищной силой, что он рухнул вниз, как подкошенный. Упал в сугроб, сам не жив, не мертв. И слышит он знакомый, Колькин голос:

– Видал, видал?! Я попал по нему, он туда упал! Бежим скорее, поймаем его!

Понял Егорка, что это давеча сделанную рогатку на нем испытывают. Взлететь было хотел, дернулся – а левое крыло поднять не может, подбили его камнем как следует.

Испугался мальчик-снегирёк – не враги, так друзья его погубят. Из последних сил к забору соседнему ринулся, и сквозь решетку пролез. Рухнул вниз, и замер – тише воды, ниже травы.

А с той стороны заборы уже слышно мальчишек:

– Ну, где же он? Точно сюда упал?

– Да, точно! Ищи лучше! Дай-ка мне!

Совсем они рядом, совсем близко. Вот-вот, разгадают, куда снегирёк спрятался, руки сквозь решетку сунут, да схватят его. Зажмурился Егорка от страха, в комок сжался.

И тут снаружи раздался голос Колиной мамы:

– Коля! А ну, домой! Все за столом сидят, тебя ждут»!

– Иду, мам, – слышалось из-за забора. Раздался топот ног, и все стихло: ушли мальчишки.

Егорка лежал, и дышал тяжело. Крылышко болело, а силы иссякли. Неужели, все так и закончится, возле забора дома номер четыре? Четвертый дом – тут ведь Ванька Пашнин живёт. Вот найдет он его, вот узнает, и тогда точно – пиши пропало.

А, впрочем, найдет, не найдет – итог один. Егорка попытался встать, но ничего не выходило, старался взлететь, но крыло не желало слушаться. Уселся он на снег, пригорюнился.

«Так и суждено мне здесь, в снегу, сгинуть. И ни Нового года тебе, ни мамы с папой, ни сестры».

Он и не заметил, как тот самый Ванька Пашнин, погулять вышедший, рядом с ним остановился. Как опомнился мальчик-снегирёк, глядит – к нему варежка тянется.

Ванька взял его в руку, осторожно, чтобы не повредить – и в рукавичку свою усадил.

Сразу стало Егорке теплее, спокойнее. А Ванька так его, прямо в рукавице, в дом отнёс. Зашел к себе в комнату, снял подушку с кровати, и снегирька на нее уложил. Взял крылышко рукой, осмотрел, да в ящик стола полез. Достал нитки, ватку, нож канцелярский и жгут. Егорка за ним с испугом наблюдал, а Ванька знай себе – без суеты и спешки, что-то под нос себе ворчит. Зафиксировал крыло, жгут с ваткой

на место больное наложил, ниткой крепко привязал, вот и повязка получилась. Посмотрел Ванька на это дело, прищурился, и критично так говорит:

– Ну, не идеально, конечно, но лучше, чем со сломанным крылом в сугробе сидеть. Пойдем, на волю тебя выпущу, тебя, наверное, дома ждут.

Стыдно стало Егорке, что дразнил Ваньку, да так, что мог бы – покраснел от корней волос до пят. А Ванька его снова в варежку, и на улицу вынес. Усадил на снег, и говорит:

– Ты попробуй, снегирёк, помаши крылышком.

Егорка попробовал – больно, конечно, но терпимо, и летать можно. Надо же, какой Ванька молодец! А он его – Палисадником дразнил. Балда ты стоеросовая, Егор Владимирович.

– Смотри, – указал ему Ванька на скособоченный, местами дырявый, газетами заткнутый, маленький домик на дереве, – для птиц смастерил. Я не ахти, какой рукастый, зато корм там есть и вода всегда свежая. Прилетай ко мне в гости, когда поправишься?

Егорка кивнул, и Ванька восторженно воскликнул:

– Ух ты! Снегирь меня понимает! Бабушка! – и он бросился в дом, рассказать о том, какую необыкновенную птицу нашел.

Егорка дожидаться его не стал – мало ли, что подумает Ванькина бабушка. Если суждено будет птицей остаться, он его еще навестит обязательно. А если вдруг обернёт Дед Мо-

роз его мальчиком – то лично спасибо скажет. И уж точно больше дразнить не будет.

Полетел Егорка к своему дому. Глядит, на пороге отец – валенки одевает, бушлат теплый – в дорогу собирается. А рядом матушка стоит – взволнованная, руки заламывает. Понял мальчик, что его искать собираются, расстроился. Сел на забор, да глядит оттуда на родных, как сказать им, что сын их снегирем стал, не знает.

И тут слышит Егорка сзади голос знакомый:

– Ну что, юноша, усвоил, урок-то?

Обернулся мальчик-снегирёк, глядит – Дед Мороз стоит, только одет опять как обыкновенный старичок, и борода серая. Смотрит на него, и улыбается по-доброму.

– Наслышан я о твоих делах – синица на хвосте принесла, кумушка моя давняя. Говорит, поступил ты храбро и самоотверженно, чтобы ее от гибели спасти – а это, брат, и есть самое главное доказательства смелости. Думаю я, довольно с тебя птицей оставаться, налетался – пора и честь знать. А то негоже родителям перед праздником переживать. Что скажешь?

– Спасибо, Дедушка, – обрадовался Егорка, – я все-все понял, больше не буду никогда слабых обижать, это самое распоследнее дело!

– То-то же, – усмехнулся Дед Мороз, да палку из-за спины достал. Не успех Егорка охнуть, стукнул ею Дед, и закружилось небо у него над головой, а в глазах снежинки заплясали.

ли...

Очнулся мальчик возле той елочки – лежит себе, цел-целехонек, только шишка на лбу зудит. Вокруг – ни души, в лесу солнце светит, а рядышком клюква разбросана. Понял Егорка, что добрый Дедушка Мороз не только его обратно в мальчишку превратил, но и время назад вернул, чтобы успеть ему домой вовремя воротиться. Отряхнулся Егорка, лыжи поднял, клюкву обратно в сумку собрал, шапку на голову нахлобучил, а шарфом своим – елочку повязал, чтоб не холодно ей было.

Дома мать с сестрой угощений наготовили – клюквы заждались. Стали на стол собирать, к празднику готовиться. А отец у Егорки и спрашивает:

– Ну что, сынок, как съездил-то, без приключений?

А Егорка плечами пожал, и отвечает:

– Да какие приключения? Одна нога здесь, другая там – быстро, как птичка!

Часы уже к двенадцати, вот-вот Новый год наступит. Егорка чая горячего выпил, пирогом с брусникой закусил, и телевизор глядит. И тут, вдруг – стук в дверь!

Отворил отец, а на пороге старый знакомец Егоркин стоит. Синий кафтан с оборками, шапка нарядная, сапоги высокие, да посох в руке. Щеки румяные, борода белая, смотрит на Егорку, улыбается. А тот – дар речи потерял.

– Ну, – говорит, – здравствуйте, дорогие, здравствуйте.

Слыхал я, что здесь мальчик Егорка живет, так ли это?

Повернулся отец к Егорке, а тот сидит, слова вымолвить не может, только кивнул утвердительно. А Дед Мороз, знай себе, продолжает:

– Мальчик этот, по слухам, храбростью недюжинной наделен, и сердце у него – велико не по росту. Потому, подарок ему я принес особенный. Ну-ка, иди сюда.

Подошел Егорка к Деду Морозу, а тот мешок вынул, ручищу в него запустил, и достает оттуда коробку, в красивой обертке:

– Вот, держи. Будет тебе и радость, и польза. А может, не только тебе, но и еще кому – подмигнул ему дедушка.

Взял Егорка коробку, прижал ее к себе покрепче, и сказал благодарно:

– Спасибо!

Утром, первого января, на улице было морозно и свежо. Ванька Пашнин, проснувшись и позавтракав, вышел во двор, подышать воздухом и поменять корм в домике для птиц. Не успел он и пары шагов ступить, как окликнул его знакомый голос:

– С Новым годом!

Ваня голову повернул, и увидел Егора, через улицу от него жившего. Нахмурился мальчик, и пробурчал себе под нос:

– И тебя.

– Хочешь, покажу, что мне Дед Мороз подарил? – не до-

жидаясь ответа, Егорка вынул сверток, и показал его Ване, – смотри!

Ванька поднял голову, и дар речи потерял. В руках у Егорки – конструктор деревянный, большой, красивый, лакированный. А на упаковке – птичий домик нарисован, стало быть, он из этого конструктора собирается.

– Классный! – восторженно сказал Ваня, и тут же сник. То ведь Егоркин домик был, а не его.

– Нравится? – спросил Егорка, и улыбнулся, – а знаешь, что? Давай, мы его вместе соберем, а потом у тебя на дерево повесим!

– У меня? – ошарашенно пробормотал Ваня, – почему у меня? Он ведь твой!

– Наш, – поправил его Егор, – я хочу с тобой вместе играть, и птиц кормить. Простишь меня, что я тебя раньше дразнил?

Посмотрел на него Ванька внимательно, и расплылся в счастливой улыбке.

Вдвоем – любое дело веселей идет. Быстро собрали мальчишки домик, корм туда положили, водицы налили, и на дерево повесили. Едва спустились вниз – смотрят, уже первый гость к ним пожаловал. Из леса синичка прилетела, маленькая такая, юркая. Щебечет, песенки поет, и мальчишек совсем не боится. Кружилась вокруг, кружилась, а потом и во все – Егорке прямо на руку села.

– Ничего себе! – захлопал Ванька в ладоши, – во даёт!

А синица на солнце январском жмурится, голову на бок склоняет, а на правой лапке ее – красная ниточка по ветру вьется.